

З.Х. ИБРАГИМОВА

К
АВКАЗЫ

Зарема Хасановна Ибрагимова

Кавказцы

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=16045965
Кавказцы. / Ибрагимова З.Х.: Пробел-2000; Москва; 2010
ISBN 978-5-98604-236-7

Аннотация

Сборник статей приурочен к 65-летию Победы нашей страны над фашистской Германией. Все статьи посвящены тематике войны или военного положения на Кавказе в сложный пореформенный период XIX столетия. Тема взаимоотношений военных (как их называли в то время – кавказцев) и горцев (чеченцев, ингушей, осетин, кабардинцев и др.) красной нитью проходит через весь сборник. Многие представленные материалы крайне актуальны и в наши дни. Для широкого круга читателей.

Содержание

Халхин-Гол: кровавый май 1939 г.	5
Представители российского интеллектуального сообщества на Кавказе – их творческая деятельность	17
Установление российской системы образования на Кавказе	63
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Зарема Хасановна Ибрагимова Кавказцы

К 65-летию Победы

*Светлой памяти моего дедушки Савченко
Андрея Осиповича, летчика-героя, погибшего на
Халхин-Голе, спасая товарищей ценой собственной
жизни, посвящается*

Академия наук ЧР
Комплексный НИИ РАН
Институт Востоковедения РАН

Халхин-Гол: кровавый май 1939 г.

Первые выстрелы в зоне конфликта прозвучали 11 мая 1939 г. К 14 мая японо-манчжурские войска оккупировали всю «спорную» территорию до Халхин-Гола. (1; с.1).

Москва приняла серьезные меры по усилению нашей авиации в зоне конфликта. Полк Н.Г. Глазыкина прибыл на Халхин-Гол 22 мая 1939 г. К началу боевых действий в полку было 63 истребителя. Летный состав 22 авиаполка за период боевых действий с 23.05 по 1.09.1939 г. непрерывно участвовал в боях с японцами. За это время полк провел 51 воздушный бой, 36 штурмовых вылетов на уничтожение войск противника и 478 вылетов на сопровождение бомбардировщиков и прикрытие своих войск. (2; л.6). Степень боеготовности истребителей была низкой: к 20 мая подняться в воздух могли только 13 машин И-16 и 9 машин И-15 «бис» первого выпуска, устаревших конструкций. Личный состав полка состоял из неопытных летчиков, владевших в основном только техникой пилотирования; ни групповому бою, ни стрельбе они обучены не были. Дисциплина серьезно хромала, из-за плохих условий жизни многие летчики писали письма с просьбой отправить их в Союз (3;с.1).

Летчики размещались в юртах. Помимо холода и голода страшно мешали комары – от их укусов раздувались лица, веки заплывали. Из-за песчаных бурь в фюзеляжи самолетов

набивался песок, который затем, в полете, выдувало словно дым, оставляя за самолетом «хвост» (4; с. 46).

Монгольское правительство предоставило советскому командованию сотни юрт разных размеров, вмещавших от 4–6 до 30 спальных мест. Поначалу летчики спали «по-монгольски» – на кошмах и циновках, но потом из Союза завезли разборные армейские кровати (5; с. 60).

Летом 1939 г. на всех аэродромах 22 полка летчики жили по 20 человек в юрте без постельного белья. Летный состав находился без воды. У летчиков не было даже фляг, в связи с чем летчики даже во время полета могли умереть от обезвоживания. Питание летного состава было неудовлетворительным. Качество пищи было плохое, обеды опаздывали на 5–6 часов (6; л.100)

Советский самолет И-15 к концу 30-х годов уже устарел и не мог на равных тягаться с новейшими японскими истребителями, особенно проигрывая в скорости и на вертикалях. И-15 («Ишаки») имели многопулеметное вооружение. Были случаи, когда отказывали все пулеметы сразу и летчики шли на таран. На самолетах отсутствовали бронеспинки сидений, поэтому японцы легко расстреливали наших летчиков (7; с.10).

27 мая 1939 г. при появлении в воздухе японских самолетов самолет командира авиабригады майора Т.Ф. Куцевалова не взлетел из-за неисправности двигателя, а во время боя четыре машины вынуждены были выйти из боя и при-

землились по той же причине (возможно из-за некачественного топлива). (8; с.2)

Зафиксировано много случаев, когда наши летчики увлекшись боем, дрались до последней капли бензина и оставались без горючего (9; л.42). «Ишак» – машина скоростная, рассчитать запас горючего было не так-то просто (10; с. 146)

Японские авиачасти, личный состав которых имел опыт боевых действий в Китае, расположились на хорошо оборудованных аэродромах. Задолго до нападения на Монголию штаб Квантунской армии организовал ряд учений, японцы произвели рекогносцировку в районе будущих военных действий, составили специальные авиационные карты. По отзывам советских военных, имевших опыт войны в Испании, «японские летчики пилотировали значительно техничнее итальянских и гораздо напористее немцев» (11; с. 79)

Над Халхин-Голом советским летчикам пришлось столкнуться с японскими ветеранами, которые к тому времени отвоевали в Китае уже 2 года. Во многих отчетах наших летчиков с удивлением отмечалась способность японцев вести прицельный огонь при любых положениях самолета в воздухе, в том числе и вверх колесами (12; с. 72) Японцы избегали лобовых атак, нападали внезапно с хвоста самолета, подкрадываясь, или заслоняясь солнцем. У японских самолетов была одна особенность – они как бы «переваливались» с одного бока на другой, не давая советским летчикам прицели-

ваться (13; л. 42)

В то же время у японских летчиков плохо обстояло дело с товарищеской взаимовыручкой. Если у них от группы отрывался один или звено и на них нападали советские истребители, то остальные их не выручали, а стремились поскорее удалиться. Были случаи, когда японцы хитрили, притворялись, что их сбили, падали беспорядочным падением («штопорили»), но затем над землей выходили из штопора и уходили от преследования. Также японцы старались заманить советских летчиков в пылу боя вглубь своей территории (14; л. 42)

В мае 1939 г. советские летчики понесли особенно тяжелые потери. Первой потерей ВВС РККА стал связной самолет, сбитый японскими истребителями 21 мая. 22 мая 1939 г. произошло первое воздушное сражение японских и советских истребителей. В результате был сбит наш И-16, смело бросившийся в бой против пяти японских самолетов. 27 и 28 мая произошли крупные воздушные бои, в которых со стороны японцев в общей сложности участвовало около 100 бомбардировщиков и более 50 истребителей. Свой первый удар японская авиация нанесла 96 бомбардировщиками по Тамцак-Булану. Второй удар был нанесен по Баян-Туменю. Из опыта первых воздушных боев наши летчики сделали вывод, что они имеют дело с опытным противником, умеющим маневрировать, маскироваться в облаках и внезапно нападать сверху со стороны солнца (15; с. 16–17).

Первый бой летчики 22-го авиационного полка провели 27 мая 1939 г. Рано утром эскадрилья И-16 из 22 авиаполка под командованием старшего лейтенанта Н. Черенкова перебазировалась на передовой аэродром у высоты 752 (гора Хамар-Даба). В 9.00 восемь «ишаков» во главе с командиром взлетела на перехват девятки «И-96», замеченной постом ВНОС у озера Буир-Нур. Всего за этот день эскадрилья произвела четыре вылета по тревоге.

В первых трех вылетах встреч с противником не было, но зато два летчика сожгли моторы своих машин. Во время четвертого вылета у командира эскадрильи не запустился мотор. Он приказал летчикам, которые запустили моторы, взлететь раньше него. Летчики взлетели и взяли курс к линии фронта. Командир эскадрильи, запустив мотор, взлетел последним. Шесть истребителей И-16 следовали к границе по одному, на маршруте набирая высоту. Над Халхин-Голом эти самолеты-одиночки, находясь на высоте 2000–2200 м., встретились с двумя звеньями истребителей противника, которые шли в строю. Силы были слишком неравны, наши летчики оказались в заведомо проигрышной позиции, поэтому после первой же атаки, развернувшись, стали уходить на свою территорию, а противник, находясь выше, преследовал их до аэродрома и даже расстреливал после посадки (16; с. 16–17).

9 японских самолетов ушли без потерь. Три советских летчика погибли (командир эскадрильи ст. л-т Николай Че-

ренков, помощник командира эскадрильи, капитан А.О. Савченко, мл. л-т Василий Паксютов); раненый летчик Пьянков выбросился с парашютом из горящего самолета. Остальным удалось сесть, но 2 истребителя нуждались в ремонте. В одном из них насчитали 18 пробоин, у самолетов было сожжено 4 мотора (17; л.22)

Интересные воспоминания об этом бое оставил летчик Григорий Приймук, вот некоторые выдержки из них:

«...Очередной наш летчик вернулся на аэродром. С горечью замечает: «Японцев много, а мы подходим к ним поодиночке, как беспомощные цыплята, вот они и клюют нас по одному!» Тем временем со стороны озера появляется очередной И-16 – у этого мотор вроде работает исправно – и аккуратно приземляется возле посадочного значка. По номеру вижу, что это машина капитана А.О. Савченко. Но не успели мы подбежать к нему, как слышим за спиной пулеметные очереди. Оборачиваемся – с востока на бреющем, всего метрах в десяти от земли, несется наш И-16, а на хвосте у него висит японский истребитель. Капитан отреагировал первым – прибавил оборотов и сразу пошел на взлет, вдогонку за японцем. Но тот не принял боя – заметив спешащего на выручку Савченко, прекратил преследование, резко отвернул влево и скрылся из виду. Только мы перевели дух – с другой стороны, и тоже на бреющем, появляется еще один наш истребитель; с ходу, не набирая высоты, идет на посадку. Глядим, а у него на хвосте японец! Но вместо того, чтобы

расстрелять беспомощный на земле И-16, самурай открыл огонь по нашей группе и стоявшему рядом самолету. Не попал – только поджег двумя короткими очередями сухую прошлогоднюю траву – и, не повторяя захода, ушел на восток: должно быть, разглядел приближающийся самолет Савченко и решил не связываться. Отогнав японцев, капитан зашел на посадку – но подоженная трава уже пылала вовсю, пожар быстро разрастался, охватывая летное поле, так что А. Савченко пришлось сделать еще один круг, выбирая место в стороне от огня – и тут то ли дым попал ему в глаза, то ли в последний момент все-таки отказал мотор, но на высоте каких-то пяти метров его самолет вдруг потерял скорость, резко клюнул носом и врезался в землю, опрокинувшись вверх колесами, мы еще не добежали до разбившегося истребителя, когда дальше к востоку, километрах в двух от аэродрома, раздался мощный взрыв – там упал другой И-16. Вскоре выяснилось, что это самолет командира эскадрильи Николая Черенкова, не дотянув до аэродрома, упал и взорвался. Когда мы, наконец, добрались до самолета Андрея Савченко, то уже ничем не могли помочь – удар о землю был так силен, что его выбросило из кабины замертво....» (18; с.59)

У погибшего капитана А. Савченко остались жена и маленькая дочь.

Андрей Осипович Савченко родился в 1907 г. в Западной области (Михайловский р-н), селе Осиповка. Его родители Мария и Осип Савченко рано умерли, оставив на попечение

Андрея младших братьев и сестер. Одна из сестер Андрея – Евдокия Савченко (1910 г.р.) – бабушка автора этой статьи.

Савченко Андрей в составе военной части 8741 Забайкальского военного округа, будучи старшим лейтенантом, занимал должность начальника службы вооружения 3-й истребительной авиационной эскадрильи. Позже он переводится на должность начальника 1 вооруженной авиационной эскадрильи (19; л. 238)

27 мая 1939 г. Савченко Андрей Осипович в возрасте 32 лет героически погибает в воздушном бою с японцами, спасая жизнь своему товарищу. Савченко А.О. был похоронен 29 мая 1939 г. (20; л.181) в 7 км от с-з Тамцак (ныне г. Чойбалсан, МНР) (21; л. 52)

Спасшийся с помощью парашюта в бою 27 мая 1939 г. на Халхин-Голе Александр Петрович Пьянов прожил долгую жизнь. О судьбе летчиков эскадрильи, вылетевших 27 мая, Александр узнал спустя несколько дней, когда в госпитале его посетили друзья. Они сообщили, что в тот день в воздушном бою погибли ст. л-т Николай Черенков, капитан Андрей Савченко и мл. л-т Василий Паксютов.

После выздоровления Александр Пьянков продолжил сражаться за родину. С 23 мая по 16 сентября 1939 г. участвовал в боях с японцами на реке Халхин-Гол. За время участия в боевых действиях командир звена 22 истребительного полка лейтенант А.П. Пьянков совершил 112 боевых вылетов. 17 ноября 1939 г. за мужество и отвагу, проявленные

в боях с врагами, удостоен звания Героя Советского Союза (в возрасте 24 лет). Умер А.П. Пьянков 27 июня 1988 г.

Май 1939 г. особенно был тяжелым месяцем для советских летчиков на Халхин-Голе. Но, не смотря на тяжелые потери эскадрильи, летчики продолжали схватку с японцами.

28 мая 1939 г. японские самолеты неоднократно атаковали два советско-монгольских аэродрома, уничтожили часть стоявших там самолетов, а в воздушном бою из состава поднятой в воздух эскадрильи только двое наших летчиков вернулись на базу, остальные были сбиты.

Первый бой, состоявшийся 28 мая, эскадрилья проиграла. Когда со стороны озера Буир-Нур показались три японских самолета, эскадрилья вновь получила приказ на взлет. Исправные истребители – а их оставалось всего 7 – поднялись в воздух один за другим, по мере готовности, и ушли на боевое задание поодиночке, сильно растянувшись друг от друга. Эта ошибка стоила очень дорого. Вернувшись на аэродром, летчик Анатолий

Орлов кричал: «Да разве так воюют?! Мало того, что винт не тянет – так мы еще и сами подставляемся!...» (22; с. 57–58)

Боевые потери у советских летчиков были очень тяжелые. Японская авиация, не получив должного отпора, практически беспрепятственно летала над территорией Монголии.

У командования 57 особого корпуса состоялся неприятный разговор по прямому проводу с наркомом обороны Во-

рошиловым, который высказал недовольство Москвы потерями советской авиации. Счет майских боев был 17:1 в пользу японской авиации. После такого разгрома советские истребители не появлялись над Халхин-Голом больше 2-х недель, а японские бомбардировщики безнаказанно бомбили наши войска.

Уже 29 мая 1939 г. в Монголию вылетела группа лучших советских асов во главе с заместителем начальника ВВС РККА Смушкевичем. Всего за три недели они успели сделать невероятно много – была налажена боевая учеба летного состава, радикально улучшено снабжение, создана целая сеть новых взлетно-посадочных площадок, численность авиагруппировки доведена до 300 машин (против 239 японских).

Когда начался следующий раунд воздушных боев над Халхин-Голом, японцы встретили уже совсем другого противника. Наши летчики взяли реванш за майские поражения уже 22 июня: после ожесточенного, двухчасового боя японцы вынуждены были спастись бегством, недосчитавшись 30 самолетов. И хотя наши потери в тот день также были велики – 17 самолетов – это была несомненная победа, первая с начала войны в воздухе на Халхин-Голе. (23; с. 16–18).

Примечания

¹. Халхин-Гол – 1939. Фотоальбом. – М., 1989.

2. РГВА. Ф 32113. Оп.1.Д.7л.6
3. Халхин-Гол – 1939. Фотоальбом. – М.,1989.
4. Советско-японские войны 1937–1945 гг.: сборник. – М.,2009.
5. Кондратьев В. Битва над степью. – М.,2008.
6. РГВА. Ф 32113 Оп. 1. Д. 433(1). л.6; Д.433(2).л.100
7. Кондратьев В. Битва над степью. – М.,2008.
8. Кондратьев В. Битва над степью. – М.,2008.
9. РГВА. Ф. 32113. Оп. 1. Д. 475. л.42
10. Советско-японские войны 1937–1945 гг.: сборник. – М.,2009.
11. Халхин-Гол – 1939. Фотоальбом. – М.,1989.
12. Кондратьев В. Битва над степью. – М.,2008.
13. РГВА. Ф 32113. Оп.1. Д. 475. л. 42
14. РГВА. Ф. 32113. Оп. 1. Д. 475. л. 42
15. Воротников М. Записки адъютанта. – Новосибирск, 1970.
16. Советско-японские войны 1937–1945 гг.: сборник. – М.,2009.
17. РГВА. Ф 32113 Оп.1 Д.469 (1) л.22
18. Георгий Приймук – летчик-истребитель//Сост. А. Кошелев. – М.,2005.

¹⁹. РГВА Ф 32258. Оп 1 л. 238)

²⁰. РГВА Ф 32113 Оп. 1 Д. 367 л.181

²¹. РГВА Ф 32113 Оп.1 Д. 375 л. 52

²². Георгий Приймук – летчик-истребитель//Сост. А. Кошелев. – М.,2005.

²³. Советско-японские войны 1937–1945 гг.: сборник. – М.,2009.

Представители российского интеллектуального сообщества на Кавказе – их творческая деятельность

Образ Кавказа по-разному рисовался, с одной стороны, в официальном петербургском освещении и, с другой, в освещении дворян, побывавших там, поучаствовавших в военных кампаниях и получивших непосредственные впечатления от увиденного, правда, увиденного сквозь дымку характерного для того времени романтизма. Образ Кавказа, рисуемый официально государством, был наиболее простой по своему смыслу. В представлениях Петербурга горское бытие принадлежало к «низшей реальности», на которую не распространялись принципы поведения, принятые в европейском мире. Эта «низшая реальность» была некоей глиной, сырым материалом, сферой реализации властных фантазий. Отсюда непоследовательность, смена методов, нарушение своих обязательств перед горцами, высокомерное игнорирование их требований. Одним из первых в XIX веке к кавказской теме обратился В.Т. Нарезный. В своем романе «Горный год, или Горские князья» он в иносказательной форме одним из первых подверг критике кавказскую адми-

нистрацию, ее действия по отношению к местным жителям¹.

Для активной части дворянства Кавказ был как вариант иного мира, в котором раскрывалось иное качество пространства (горы), который был населен иными людьми – свободными от европейских условностей, был воплощением принципа, который можно определить как принцип психологической компенсации дворянскому сознанию. Кавказ – не просто как географическое и этнографическое, но и как метафизическое явление, давал возможность ощутить бытийную полноту чеоловеческого сознания. Горы очаровывали русского дворянина. Это был символ мятежа природы против унылой упорядочности².

Кавказ, как экзотический край, противопоставлялся в творчестве русских писателей пространству обыденному. Так могли смотреть на Кавказ именно романтики, для которых двоемирие было как характерной особенностью мышления, так и необходимой эстетической категорией. Кавказская война интерпретировалась в творчестве русских романтиков как явление, возможное только в подобном экзотическом пространстве, как своего рода неотчуждаемая характеристика Кавказа. При этом война оказывалась в романтическом сознании безусловной ценностью, поскольку именно она обеспечивала состояние свободы – высшего предела для романтического сознания. И именно этим мотивируется глубокая симпатия русских поэтов и писателей к горцам: люди, готовые идти на смерть ради свободы, вызывают уваже-

ние безотносительно к тому, с кем они воюют. Проблема самоопределения человека, соприкоснувшегося с другой культурой (в данном случае с совокупностью культур народов, населявших Кавказ), не ограничивается проблемой политического самоопределения. Неприятие политической несвободы – это всего лишь частный случай неприятия романтическим сознанием своей культуры как враждебной в своей монотонности, предсказуемости. Здесь возникает вопрос о культурном статусе человека не только на Кавказской войне и шире – в Российской империи. На кавказском материале решаются проблемы бытия человека в мире³.

То напряжение, которое возникало в русской литературе между ощущением неизбежности и, даже необходимости включения Кавказа в Российскую империю и сочувствием к горцам, стало одним из моментов, приведших, в конце концов, к деконструкции в русской культурной традиции евроцентрической модели цивилизаторства. И дело даже не в возможной логике – идеи цивилизаторства хороши, а воплощение – ужасно. Дело в предошущении русской литературой XIX столетия порочности тотального цивилизаторства как процесса, разрушающего обе культуры. Состояние «культурного билингвизма» оказывалось, в конце концов, крайне неустойчивым в силу того, что героям не удавалось сделать четкий выбор между империей и Кавказом (империя плоха, ибо недостаточно европеизирована; Кавказ плох, ибо не принимает чужака в принципе), и – шире – между Кавка-

зом и Европой⁴.

В пламени Кавказской войны, опалившей судьбы Бестужева, Лермонтова, Толстого, поэт и воин Александр Полежаев одним из первых поднял голос против бессмысленной бойни:

*«Да будет проклят нечестивый,
Извлекивший первым меч войны,
На те блаженные страны,
Где жил народ миролюбивый....».*

Нельзя не подчеркнуть характерный для А.И. Полежаева момент: поэт в глубине души – убежденный сторонник мира. Горько звучит мимолетное его восклицание:

*«Есть много стран под небесами,
Но нет той счастливой страны.
Где б люди жили не врагами,
Без права силы и войны»*

(«Чир-Юрт»).

В этих словах, вполне современных и ныне, – осуждение безумия войн.

Художественная особенность кавказских поэм поэта – контрастность. И здесь Полежаев верен себе: возвышенно-реалистичекое он смешивает с приземлено-бытовым. Плюс обилие фактического материала. Получается нечто

специфически полежаевское, уникальное в русской поэзии. Признано, что поэмы Полежаева помогли становлению и победе реализма в русской поэзии. Они предвосхищают художественный метод М.Ю. Лермонтова и Л.Н. Толстого в изображении Кавказа. Александр Иванович считается одним из основателей исповеднической поэзии. Полежаев не мог не писать. Он писал даже в самых невыносимых условиях, даже в тюрьме, в солдатской палатке, на больничной койке, это было его призвание...⁵.

Жизнь Александра Полежаева необыкновенна и трагична в двух планах – в чисто человеческом, и в литературном. Начать с того, что Полежаев был незаконнорожденным – внебрачным сыном помещика Л.Н. Струйского и дворовой девушки Аграфены Федоровой. Когда Александру было 6 лет, скончалась его мать. Отец пытался как-то заботиться о сыне. В 1816 году А. Полежаев был помещен им в частный пансион Визара при Московской губернской гимназии. В 1820 году он поступил вольнослушателем в Московский университет на словесное отделение (студентом он не мог быть принят как не принадлежащий к дворянскому сословию). Когда он был еще в пансионе, случилось очередное горе: Полежаев лишился отца, его скромной помощи. Неуравновешанный, крутой человек, любивший выпить, Струйский в гневе убил своего дворового, за что был осужден и сослан в Сибирь, где позже и умер. Полежаев в это время был почти не известен, не печатался, ему не было и 22 лет. И вдруг сам император

удостоил его аудиенции!

В июле 1826 года, казнив декабристов, Николай I приехал в Москву. Здесь, естественно, нашлось немало охотников послужить царю на ниве бдительности и искоренения «крамольной заразы». Проявил свое усердие и жандармский полковник И.П. Бибиков, сделавший донос на Московский университет. В качестве неблаговидного облика студентов приводилась поэма Полежаева «Сашка», содержащая резкие выражения в адрес церкви и духовенства. В ночь на 28 июля недавно сдавший выпускные экзамены Полежаев был увезен в Кремль. Растерянный, удивленный вчерашний студент утром предстал перед императором. Царь приказал читать поэму... Результат встречи: Николай I предложил Полежаеву военную службу как «средство очиститься». Молодого поэта отдали в солдаты. Расставаясь, царь поцеловал Полежаева, разрешил писать ему в случае необходимости. В 1829 году Московский пехотный полк, в котором служил Полежаев, отправляется на Кавказ. Здесь Полежаев был замечен командующим частью генералом А.А. Вельяминовым и награжден унтер-офицерским чином⁶.

Русский поэт Александр Иванович Полежаев (1804–1838), отданный Николаем I в солдаты, с 1829 по 1833 г. принимал участие в военных экспедициях на Северном Кавказе⁷. Все события Кавказской войны, сквозь адское пламя которых судьба провела поэта, отразились в его стихах и поэмах. По названиям произведений Полежаева можно соста-

вить карту его кавказских походов: Чири-Юрт, Герменчук, Акташ-Аух... В октябре 1831 года Полежаев участвовал в штурме Чири-Юрта в Чечне и назвал эту битву «достойной примечания в летописях Кавказа». После возвращения отряда из экспедиции в крепость Грозную он в течение одиннадцати дней написал поэму «Чир-Юрт», в которой запечатлел картины минувшего боя⁸. А.И. Полежаев в своих произведениях изображает не только ратные подвиги, но и «непоэтический» быт войны. Исторические комментарии Полежаева создают «эффект присутствия»⁹/ Русские писатели и поэты, писавшие о Кавказе, редко впрямую осуждали империю, но военная агрессия всегда связана с пролитием крови, жестокостью и насилием, и отказаться от критики войны они не могли. Стихотворения и поэмы кавказского периода творчества А.И. Полежаева сыграли заметную роль в развитии реализма в русской поэзии¹⁰.

«Эргели» и «Чир-Юрт», вышедшие одной книжкой в 1832 году, имели общее посвящение – «Воинам Кавказа». Это было творение свидетеля военных действий, очевидца и участника тех событий. Поэтому они, можно сказать – документально-художественные произведения. Их можно даже назвать поэтическими репортажами о событиях. До них такого в русской литературе не было. Автор художественно подает все переживаемое в боях и походах, в лагере, на привалах, в горских селениях. Историк Кавказской войны В.

Потто рассказывает со слов своего отца, служившего тогда генералом: «В рядах Московского полка с тяжелым солдатским ружьем, во всем походном снаряжении шел известный русский поэт Полежаев. Это был молодой человек, лет 24-х, небольшого роста, худой, с добрыми и симпатичными глазами. Во всей его фигуре не было ничего воинственного; видно было, что он исполнял свой долг не хуже других, но что военная служба вовсе не была его предназначением.....»^П.

За участие в штурме в октябре 1832 года оплота мюридов Гимры А. Полежаев был Вельяминовым представлен к производству в прапорщики, но это не было санкционировано высочайшей особой. А летом 1833 года полк, в котором служил Полежаев, отзывают с Кавказа и направляют в Москву. В этом же 1833 году поэт выпускает свой новый сборник стихотворений «Кальян». Дальнейшие попытки издать книги произведений Полежаева пресекались цензурой.

Тяготы службы, нужда, преследования цензуры, безнадежность... Все это, в конце концов, окончательно сломило здоровье поэта. В конце сентября 1837 года его кладут в Московский военный госпиталь. Буквально в предсмертной агонии поэту оказана высочайшая милость: в декабре его производят из унтер-офицеров в прапорщики. В январе Полежаева переводят в офицерскую палату. А через три дня – 16 (28) января поэта не стало. Труп А.И. Полежаева один из его друзей обнаружил в подвале госпиталя под другими трупами, нога поэта была объедена крысами. Могила его затеря-

лась. Так трагически закончилась эта человеческая судьба. Но жизнь страдальца продолжается в его поэтической судьбе. Прислушаемся к этим пророческим строкам:

«Я умру! На позор палачам
Беззащитное тело отдам!
Равнодушно они
Для забавы детей
Отдирать от костей
Будут жилы мои!
Обругают, убьют
И мой труп разорвут!
Но стерплю! Не скажу ничего,
Не наморщю чела моего!
И как дуб вековой,
Неподвижный от стрел
Неподвижен и смел,
Встречу миг роковой,
И, как воин и муж,
Перейду в страну душ»

(«Песнь пленного ирокеза», 1828 г.)¹².

«Странное дело! Кавказу как будто суждено быть колыбелью наших поэтических талантов, вдохновителем и пестуном их музыки, поэтической их родиной!» – писал В.Г. Белинский¹³. Упоминания о Кавказе можно найти в одах М.В. Ломоносова, в стихотворной повести «Бова» А.Н. Радищева и

его поэме «Песнь историческая»¹⁴. Г.В. Державин впервые дает поэтическое описание природы Кавказа в оде «На возвращение из Персии через Кавказские горы графа В.А. Зубова». В.А. Жуковский в своем послании Воейкову посвящает несколько стихотворений описанию Кавказа. Хотя сам он не был на Кавказе, но живо интересовался его населением. Жуковский писал:

«Ты зрел как Терек в быстром беге
Меж виноградников шумел,
Где часто притаясь на бреге,
Чеченец иль черкес сидел
Под буркой, с гибельным арканом»¹⁵.

Н.Г. Чернышевский осуждал и называл многолетнюю войну на Кавказе «язвой, которая истощала Россию». Н.А. Добролюбов осуждал установленную систему управления горцами, «ошибки» центральных властей, когда все отношения с горцами решались с позиции силы¹⁶. В статье «О значении наших последних подвигов на Кавказе», опубликованной в 1859 году, Добролюбов признавал, что на Северном Кавказе «...царское управление выказывало себя именно с такой стороны, что не могло возбудить неудовольствия во вновь покоренном народе» и что «борьба велась со стороны горцев за независимость их страны, за неприкосновенность их быта». Умело обходя цензурные препятствия, он выра-

жал дружеские чувства русского народа к кавказским народностям: «Когда русское управление сделает то, что для горцев не будет привлекательною перемена его на какое-нибудь другое – тогда только спокойствие на Кавказе и связь его с Россией будут вполне обеспечены¹⁷.

Грузинский общественный деятель Г.Д. Эристави, анализируя взгляды А.С. Грибоедова по отношению к Кавказу и его жителям, делает вывод: «Он один из первых, если не первым, сумел понять, что на Кавказе живут, и будут жить люди, достойные симпатии, поддержки и любви со стороны всех порядочных людей русской земли....»¹⁸. Для Грибоедова кавказская тема ассоциировалась со свобододолюбием, борьбой против социального и политического угнетения. Герои стихотворения «Хищники на Чегеме» нарисованы с большой симпатией. На фоне величавой и дикой природы вырисовываются образы смелых и сильных горцев, обитающих «будто быстрые орлы под челом крутой скалы». Нет ничего для них дороже, чем свобода отчего края:

«Живы в нас отцов обряды,
Кровь их буйная жива.
Та же в небе синева,
Те же льдяные громады,
Те же с ревом водопады,
Та же дикость, красота
По ущелиям разлита!»

«Хищники на Чегеме» наряду с четко выраженными вольнолюбивыми мотивами характеризуются сочувствием к борьбе горцев с колониальной политикой самодержавия:

«Наши камни, наши кручи!
Русь! Зачем воюешь ты
Вековые высоты?»

Страстность, сила стремлений, решительность, волевая настойчивость смелых и свободолюбивых горцев, жертвующих всем ради свободы, как бы противопоставлены безвольным и бессильным пленникам, скованным цепями рабства (это противопоставление найдет дальнейшее развитие в кавказских поэмах М.Ю. Лермонтова). Не случайно, в первой публикации стихотворения («Северная пчела», 1826. № 143) цензурой была изъята девятая строфа, в которой говорится о русских пленниках:

«Узы – жребий им приличный,
В их земле и свет темничный!
И ужасен ли, обмен?
Дома – цепи! В чуже – плен!»¹⁹.

Отпрыск древнего и богатого рода, Грибоедов с детства имел очень широкий кругозор. Чтобы познакомиться с мировым разнообразием, он изучил сначала европейские, а затем и восточные языки. Н. Муравьев (Карский) в 1822 го-

ду записал в своем дневнике: «Успехи, которые он сделал в персидском языке, учась один, без помощи книг, которых у него тогда не было, поражают. Он в точности знает язык персидский и занимается теперь арабским...»²⁰. Знание многих языков стало решающим моментом в карьерном росте и судьбе Грибоедова.

19 февраля 1822 года А.С. Грибоедов был назначен чиновником по дипломатической части при Ермолове. В 1819 году Грибоедов приезжал к Ермолову в Чечню, чтобы обговорить будущее его назначение на должность. В некоторых отрывках из эпистолярного наследия Грибоедова можно найти следующие откровения поэта: «Чтобы больше не иовничать, пускаюсь в Чечню, Алексей Петрович не хотел, но я ему навязался. – Теперь это меня несколько занимает, борьба горной и лесной свободы с барабанным просвещением, действие конгревов; будем вешать и прощать, и плюем на историю. Имя Ермолова еще ужасает; дай бог, чтобы это очарование не разрушилось. В Чечню! В Чечню!» – писал А.С. Грибоедов своему другу С. Бегичеву²¹. В другом письме к своему приятелю Грибоедов очень точно объяснил причины своего многолетнего существования «на колесах»: «Судьба, нужда, необходимость. рукою железною закинула меня сюда (на Кавказ) и гонит далее, но по доброй воле, из одного любопытства, никогда бы я не расстался с домашними пенатами...», – в словах этих заключена почти формула всей жизни

ни Грибоедова²².

Встретившись осенью 1825 года в станице Екатеринославской с генералом Ермоловым, Грибоедов упросил его взять с собой в Чечню. По-видимому, желание участвовать в чеченском походе и все увидеть своими собственными глазами, связано с изменившимися взглядами писателя на кавказскую политику России, с попытками определить свое отношение ко всему здесь происходящему, осмыслить пути решения исторических судеб коренных кавказских народов. Сначала Грибоедов с Ермоловым прибыли в Червленную, где узнали о восшествии на престол Николая I, а затем отправились в крепость Грозную. Именно здесь Грибоедов и был подвергнут аресту на основании привезенного фельдгерем Уклонским приказа начальника Генерального штаба И.И. Дибича.

При аресте очень важную услугу оказал Грибоедову А.П. Ермолов, приказавший своему адъютанту И.Д. Талызину позаботиться об уничтожении «опасных» бумаг писателя. Об этом имеется немало сведений, в частности, подробные воспоминания присутствовавшего при аресте Н.В. Шиманского: «Талызин, Сергей и я, пригласивши с собой фельдгегеря, пустились на рысях прямо к дому коменданта крепости Грозной. Алексей Петрович Ермолов сидел за большим столом и, как теперь помню, раскладывал пасьянс. Сбоку от него с трубкой сидел Грибоедов. Когда мы доложили, что прибыли и привезли фельдгегеря, генерал немедленно при-

казал позвать его к себе. Уклонский вынул из сумки один тонкий конверт от начальника Генерального штаба Дибича. Генерал разорвал конверт, бумага заключала в себе несколько строк... Я не обратил внимания на Грибоедова, но Талызин мне после сказывал, что он сделался бледен, как полотно... Талызин отдал приказание одному из ординарцев генерала... чтобы он скакал в обоз, отыскивал арбу Грибоедова и Шиманского, и чтобы гнал в крепость... Когда я возвратился к А.П. Ермолову, то Грибоедова не было в комнате. Он выходил куда-то, но скоро возвратился, был, по-видимому, спокоен и слушал рассказы Уклонского, который назвал многих арестованных. Приказано было подавать ужин...». Далее Шимановский продолжал: «Тут нужно возвратиться к арбе с нашими вещами. Урядник Рассветов ловко исполнил возложенное на него поручение. Он отыскивал арбу, вывел ее из колонны и заставил быков скакать, так что очень скоро прибыли наши люди к назначенному нам флигелю. Тут встретило наших людей приказание елико возможно сжечь все бумаги Грибоедова, оставив лишь толстую тетрадь – «Горе от ума». Не более как в полчаса времени все сожгли на кухне Козловского, а чемодан поставили на прежнее место в арбу»²³.

22 января 1826 года Грибоедов был арестован в крепости Грозной по постановлению Следственного комитета по делу декабристов и пробыл под арестом несколько месяцев. В апреле 1828 г. Грибоедов был назначен министром-резидентом в Персию, где и погиб при разгроме русского посоль-

ства. Ермолов, спасая Грибоедова от ареста, спасал и себя самого, зная неприязненное к себе отношение Николая I и то, что в Петербурге подозревают о существовании тайного общества на Кавказе. Возможно, именно поэтому Ермолов не только своеобразно помог Грибоедову при аресте, но и всячески старался обелить его, дав писателю благоприятнейший отзыв в письме к барону Дибичу. В нем особо подчеркнул, что «Грибоедов взят таким образом, что не мог истребить находившихся у него бумаг, но таковых при нем не найдено, кроме весьма немногих, кои при сем препровождаются...». По свидетельству секретаря канцелярии Главного управляющего на Кавказе, П.М. Сахно-Устимовича, этот отзыв Ермолова, «как сам Грибоедов сознавался после, много ему помог при его оправдании». Оправдание же писателя одновременно способствовало и оправданию Ермолова. И об этом со всей определенностью писал Э.В. Бриммер: «... Скоро возвратился Грибоедов чист, как голубь, и более не было подозрений на Кавказский корпус». Случилось это в сентябре 1826 года. По свидетельству В.К. Кюхельбекера, «он (Грибоедов) в Москве и Петербурге часто тосковал о кочевьях в горах кавказских, где посреди людей, более близких к природе, чуждых европейского жеманства, чувствовал себя счастливым».

Грибоедов был одним из первых русских писателей, долго проживших на Кавказе. А.С. Пушкин писал: «Совершенное знание такого края, где начиналась война, открыло ему

новое поприще... Не знаю ничего завиднее последних годов его бурной жизни». Действительно, именно с Кавказа Грибоедов увез не только богатые впечатления, но и первые акты комедии «Горе от ума», которая обессмертила его имя. Как свидетельствуют «Акты Кавказской археографической комиссии», первые любительские постановки комедии «Горе от ума» состоялись в Тифлисе в конце 1820-х – начале 1830-х годов в салоне Александра Чавчавадзе и в зале Армянской духовной семинарии Нерсесян. Сам Грибоедов, по имеющимся сведениям, в 1828 году присутствовал в Тифлисе на концертном исполнении «Горе от ума» в доме Багратиони. Отношения между Грибоедовым и Ермоловым были не всегда радужными. Ермолов, высоко отзывавшийся о произведениях А.С. Пушкина, писал Д.В. Давыдовы: «Это не стихи нашего знакомого Грибоедова, от жевания которых скулы болят...». В.А. Андреев писал, что Грибоедов «разошелся с Ермоловым», что «у Ермолова Грибоедов составлял только роскошную обстановку его штаба; что Грибоедов был умным и едким собеседником; что Ермолов его любил, но никогда не был к нему близким человеком»²⁴.

В июле 1888 года А.П. Чехов «шталался по Крыму и Кавказу», как писал он в августе журналисту Н.М. Ежову. О своих впечатлениях от поездки по Кавказу Чехов восторженно писал редактору журнала «Осколки» Н.А. Лейкину. «Кавказ Вы видели. Кажется, видели и Военно-Грузинскую дорогу. Если же Вы еще не ездили по этой дороге, то заложите жен,

детей, «Осколки» и поезжайте. Я никогда в жизни не видел ничего подобного. Это сплошная поэзия, не дорога, а чудный фантастический рассказ....»²⁵. В сентябре 1899 года великий норвежский писатель Кнут Гамсун совершил поездку через Россию на Кавказ. Результатом этой поездки явилась вышедшая в 1903 году книга «В сказочном царстве», которую один из английских исследователей творчества Гамсуна назвал самыми субъективными путевыми очерками²⁶.

А.С. Пушкин очень любил Кавказ, неоднократно здесь бывал и посвятил Кавказу многие свои произведения. Одним из самых значимых среди них был «Кавказский пленник». Никто из русских литераторов не писал так тепло о горцах, как это сделал А.С. Пушкин в «Кавказском пленнике». Красной нитью через это произведение проходит мысль, что «лишь угроза порабощения заставляет братья за оружие горцев». Вынужденно взяв оружие, они, как подчеркивал Пушкин, проявляли храбрость и стойкость, с большой любовью защищали свою родину и с честью умирали за свою свободу и независимость. Но произведение поэта нередко подвергалось и критике. Друг А.С. Пушкина, поэт П.А. Вяземский, в письме от 27 сентября 1822 года к А.И. Тургеневу, критикуя поэта относительно эпилога к «Кавказскому пленнику», писал: «Мне жаль, что Пушкин окровавил стихи своей повести. Что за герои – Котляровский, Ермолов? Что тут хорошего, что он, как черная зараза, губил, уничтожал племена? От такой славы кровь стынет в жилах и волосы ды-

бом становятся. Если бы мы прсвещали племена, то было бы что воспеть...»²⁷.

Вышедшее в 1822 г. первое издание «Кавказского пленника» Пушкино было распродано за несколько месяцев. В 1824 г. Пушкин, нуждаясь в средствах, ухватился за предложение брата – продать второе издание «Кавказского пленника» одному из книгопродавцев за 2000 рублей. В это время в Петербурге неожиданно для самого Пушкина, так и для его друзей и издателей, вышло новое издание «Кавказского пленника». Издание Е. Ольдекопа являлось прямой контрафакцией, грубым нарушением авторских прав Пушкина. Вяземский написал Пушкину, что продажу ольдеко-повского издания в Москве остановить уже невозможно, и советовал ему жаловаться министру А.С. Шишкову. Пушкин, которому вся эта история изрядно надоела, ответил Вяземскому: «Ольдекоп, мать его в рифму, надоел! Плюнем на него и квиты»²⁸.

В 1934 году профессор А.И. Некрасов среди литературных источников «Кавказского пленника» Пушкина назвал опубликованную впервые в Париже на французском языке в 1815 году повесть К. де Местра «Кавказские пленники». Когда Ксавье ехал из Петербурга в Тифлис, то останавливался во Владикавказе, где общался с генералом Дельпоццо, который «был в плену у чеченцев». Он с ним также беседовал и по поводу того, что «четыре иезуита сделают больше, чем десять тысяч солдат, чтобы завоевать эти места, где располо-

жены самые лучшие долины в мире». Местр высказал также предположение, что и чеченцы в древности были христианами, но «сейчас все горцы или язычники, или наполовину мусульмане». Семья К. де Местра жила с 1825 по 1839 г. преимущественно в Италии, куда в 1832–1833 гг. приезжал В.А. Жуковский. Он поддерживал с Местрами дружеские отношения²⁹.

А.С. Пушкина волновала тема Кавказской войны не только с теоретической точки зрения, Александр Сергеевич сильно тревожился о судьбе своего брата, который служил на Кавказе. В мае 1829 года А.С. Пушкин предпринял путешествие на Кавказ, где и встретился с братом. Брат А.С. Пушкина – Лев Пушкин был «в походах против неприятеля и в самих сражениях» на Кавказе и в те дни, когда хоронили А. Пушкина. О печальных событиях он узнал только в марте 1837 года. В воспоминаниях П.А. Вяземского есть такая фраза: «После смерти брата Лев, сильно огорченный, хотел ехать во Францию и вызвать на дуэль барона Геккера (урожденного Дантес), но приятели отговорили его от этого намерения». Лев Пушкин был неоднократно награжден орденами и медалями. Старший сын поэта, Александр Пушкин, тоже выбрал ратное дело. Он участвовал в Русско-турецкой войне, освобождал Болгарию, за что был пожалован золотой саблей и орденом Св. Владимира³⁰.

Некоторые поэты больше уделяли внимание повседневной жизни на Кавказе, всем ее трудностям и радостям. В

кавказских стихах Я.П. Полонского представлен российский чиновник, живущий на Кавказе, который ощущает здесь свою чуждость. Но чуткий и заинтересованный человек, по мнению поэта, многое перенимает у местного «особенного народа». Он ведет себя как «Учтивый Гость», который не смеет нарушать установленный порядок, а только старается его изучить, ведь ему здесь жить и работать, хотя и положение его несколько двойственно...³¹.

Яков Петрович Полонский родился 6 (18) декабря 1819 года в Рязани. Первые поэтические опыты Я.П. Полонского относятся к годам учения в рязанской гимназии, а когда в 1838 году он поступил на юридический факультет Московского университета, то его склонность к поэзии уже была очевидной. Весной 1844 года Полонский окончил университет. Трудные материальные обстоятельства вынудили его отправиться в Одессу. Еще в первые дни по приезде в Одессу Полонский узнал, что одесский генерал-губернатор М.С. Воронцов назначается наместником на Кавказ: «Вся Одесса в волнении, – писал он Н.М. Орлову, – все здешнее народонаселение движется за ним, как за колонновожатым. Одесса пустеет – и вряд ли я останусь здесь. Хочется быть на Кавказе и увидеть природу лицом к лицу».

В 1845 году одесский генерал-губернатор М.С. Воронцов получил назначение – он стал наместником на Кавказе, и многие чиновники, пожелавшие служить в Тифлисе, отправились вслед за Воронцовым; к ним присоединился и Полон-

ский. Друзья выхлопотали Полонскому место в канцелярии наместника. Полонский завязал знакомство с художниками, поэтами, учеными. Приехав в Тифлис, он вступил в тот круг, из которого судьба только что вырвала М. Лермонтова, в котором хорошо помнили и любили А. Пушкина, где хранили память о Грибоедове. Я. Полонский познакомился с художником Г.Г. Гагариным, писателем В.А. Соллогубом, востоковедом Н.В. Ханыковым³².

В Тифлисе Я.П. Полонский поступил одновременно и на службу в канцелярию наместника и в редакцию журнала «Закавказский вестник». Несколько месяцев Полонский провёл в служебных поездках по Кавказу, собирая статистические данные о местном крае. Непосредственным результатом этих путешествий стали очерки и статьи этнографического характера, которые печатались в «Закавказском вестнике». В 1849 году Полонский выпустил сборник стихотворений о Кавказе, наполненный историческими и этнографическими реалиями, описанием нравов кавказских горцев. В 1851 году Полонский покинул Кавказ³³.

Изображение писателями и поэтами кавказской действительности привело к освоению новых художественных форм, к развитию важнейших эпических жанров. Кавказские события, характеры, нравы горских народов диктовали необходимость их отображения в новых формах и побуждали все чаще и чаще обращаться к такой сложной эпической форме, как повесть. Писатель-декабрист А.А. Бестужев-Мар-

линский, предшественник М.Ю. Лермонтова на Кавказе, создал романтические повести «из кавказской жизни», которыми зачитывалась вся Россия. В.Г. Белинский неоднократно отмечал в своих работах ту особую роль, которую сыграл Марлинский в становлении русской повести. Именно благодаря А.А. Бестужеву-Марлинскому, по мнению критика, повесть становится одним из наиболее распространенных жанров в русской литературе, обретает свои характерные черты, освобождаясь от классической высокопарности и тяжеловесности, сентиментальной плаксивости и приторно-навязчивой нравственности ранних романтических повестей³⁴.

С авторитетом А. Бестужева-Марлинского как кавказоведа считались многие. Примечательно, что Л.Н. Толстой в период работы над повестью «Хаджи-Мурат», продолжая сбор географических и этнографических материалов о Кавказе, перечитал пересланную из Москвы дочь Татьяной Львовной повесть «Мулла-Нур» А. Бестужева-Марлинского. Названная повесть декабриста выделяется своей описательностью и исключительно разнообразным обилием краеведческого материала³⁵.

Александр Бестужев – гвардейский офицер, печатавшийся в петербургских журналах (Марлинский – его литературный псевдоним), был переведен рядовым в Кавказскую армию в 1829 году из Сибири, где отбывал в далеком Якутске ссылку за участие в декабрьском восстании. Кавказ поразил его своей первозданной красотой. В одном из своих

очерков он писал: «Кто видел Кавказ в грозу и ведро (проливной дождь), тот может умереть, не завидуя Швейцарии. Вдали, как исполинские волны застывшего океана, вставали горы над горами, увенчанные алмазною пеною снегов; угрюмо, как минувшие столетия, висели надо мною громады и над ними сверкал снежный Перун лавин, готовый низриться от жаркого луча солнца, от крыла ветра. Далеко под стопами моими бродили облака, подобно стадам златорунных овец. В стороне горные потоки, надменные дождями, ниспадали млечной струей и едва внятно роптали в глубине....».

В военных походах Бестужев проявлял чудеса храбрости и самообладания. В письме к братьям в Сибирь он писал: «Я дышал эту осень своею атмосферою: дымом пороха и туманом гор. Я топтал снега Кавказа, я дрался с сынами его – достойные враги! Какие куклы перед ними персы и турки! Как искусно умеют они сражаться, как геройски решаются умереть!» За неоднократные боевые отличия Бестужев был произведен в июле 1835 года в унтер-офицеры, а в мае 1836 года – в прапорщики. Это производство, по его словам, он «выстрадал и выбил штыками». Просьбу об отставке Бестужева (Марлинского) поддержал в личном письме к Николаю генерал-губернатор Новороссии граф М.С. Воронцов, на что царь ответил в том смысле, что Бестужев «должен служить там, где еще возможно без вреда для службы». Мысли о близкой кончине не покидают писателя. Он устал бороться с судьбой. «Я хочу уехать поскорее в экспедицию, –

пишет Бестужев брату Павлу. – Ей-богу, лучше пуля, чем жизнь, какую я веду». 1837 год, последний в своей жизни, он встретил в Тифлисе. Получив здесь известие о смерти А.С. Пушкина, он заказал священнику отслужить панихиду по двум поэтам на могиле Грибоедова. «Я плакал тогда, как плачу и теперь, горькими слезами, – признается он Павлу, – я плакал над другом и товарищем по оружию, над самим собой. И когда священник возгласил «За убиенных бояр Александра и Александра», этот ваозглас показался мне не только воспоминанием, но и пророчеством.... Да, я чувствую, что и моя смерть будет насильственной, необычной и уже недалекой...»³⁶.

В начале лета 1837 года Бестужев участвовал в высадке десанта в Абхазии, у мыса Адлер. Накануне операции, находясь на борту фрегата «Анна», он пишет завещание. По рассказам очевидцев, во время вылазки десанта Бестужев попытался вернуть далеко ушедшую в лес цепь стрелков, но в завязавшейся схватке был ранен двумя пулями в грудь и изрублен окружившими его горцами. Подошедшие на подмогу части отбросили неприятеля и подобрали раненых и тела убитых, но Бестужева среди них не было. В мемуарах кавказского офицера М.Ф. Федорова передается рассказ о том, что на 4 день после десанта, во время набега на аул, при одном убитом мулле нашли пистолет Бестужева. Лазутчики рассказали, что горцы, уважая храбрость и необыкновенную ловкость русского офицера при защите себя шашкой, взяли его

тяжелораненого в село, где он от большой потери крови на другой день скончался³⁷. Александр Бестужев окончил свой путь в возрасте 40 лет, в пору писательской зрелости и расцвета творческих сил.

Михаил Юрьевич Лермонтов по праву занимает одно из ведущих мест в кавказоведческой художественной литературе. «Хаджи-Абрек» – первое произведение Лермонтова, появившееся в печати. Оно было напечатано в XI томе «Библиотеки для чтения» Сенковского за 1835 г. Вот что пишет А.П. Шан-Гирей в своих воспоминаниях по поводу появления этой поэмы в печати: «С нами жил в то время дальний родственник и товарищ Мишеля по школе Николай Дмитриевич Юрьев, который после тщетных стараний уговорить Мишеля печатать свои стихи, передал, тихонько от него, поэму «Хаджи-Абрек» Сенковскому, и она, к нашему немалому удивлению, в одно прекрасное утро появилась напечатанной в «Библиотеке для чтения». Лермонтов был взбешен, но, по счастью поэму никто не разобрал, напротив, она имела некоторый успех, и он стал продолжать писать, но все еще не печатать»³⁸. В лирике М.Ю. Лермонтова проявляется отношение поэта к миру, к чужому сознанию. При помощи сопоставления Востока и Запада Лермонтов надеялся выявить сущность русской культуры, которая представляется ему юной, только начинающей вступление на мировую арену. Он пытается оценить сложный образ «русского европейца», представляющего собой дворянина, его совре-

менника. Этот человек гибок, способен к восприятию чужих обычаев, культуры, сознания. В какой-то степени этот образ был списан Лермонтовым с самого себя. Интересно, что в 1837 году в одном из писем, отправленных с Кавказа, Лермонтов, между прочим, заметил, что он «уже составлял планы ехать в Мекку, в Персию и проч., теперь остается только проситься в экспедицию в Хиву с Перовским.....»³⁹. В произведениях Лермонтова часто находит продолжение образ «полуевропейца», о котором говорил еще Грибоедов. Образ такого «полуевропейца» описывается поэтом в стихотворении «Портреты» (1829 г.)⁴⁰.

Отправленный царскими властями на Кавказ, М.Ю. Лермонтов вынужден был принимать участие в походах царских войск против горцев, как офицер, здесь он был представлен к награде, но Николай I отказал в ней поэту. Таких людей, которые дружелюбно относились к горцам, а во многих случаях и с любовью, среди русского офицерства на Кавказе было немало – и это была лучшая его часть. Многие из них, как и сам Лермонтов, не по своей воле принимали участие в Кавказской войне. Таких офицеров он изобразил в совсем небольшом очерке, который назвал «Кавказец»⁴¹. Кавказская война привлекала наивную и восторженную часть дворянской молодежи возможностью подвига, приобретения воинской славы. Об этих доблестях молодого офицера и пишет М.Ю. Лермонтов в очерке «Кавказец»: «Он думает пой-

мать руками десятка два горцев, ему снятся страшные битвы, реки крови и генеральские эполеты...». Для «кавказцев» война в силу своей деятельности стала судьбой, главным содержанием их жизни. В подавляющем большинстве случаев они не сомневались в необходимости и справедливости дела, которому посвятили всю жизнь. Историческое самосознание кавказского офицера определялось твердой уверенностью в монументальности совершаемого: они не просто расширяли пределы родного, могущественного государства, что само по себе было императивом для русского военного человека, – они преобразовывали мир. В этом плане Кавказская война не знала «гуманистических предрассудков» – цель оправдывала средства⁴².

Лермонтов погиб на дуэли с Н.С. Мартыновым в июле 1841 г. Интересно, как в творчестве Мартынова отразились реалии того времени. Есть в нем, например, упоминание о знаменитых кавказских кальчугах:

«Джигиты смело разъезжают,
Гарцуют бойко впереди;
Напрасно наши в них стреляют...
Они лишь бранью отвечают,
У них кольчуга на груди...»

Главное же сочинение Мартынова – поэма «Герзель-аул» – основано на личном опыте. Оно является документально точным описанием июньского похода в Чечню в

1840 г., в котором сам Мартынов принимал деятельное участие. Схожие сцены можно увидеть и у Лермонтова, в знаменитом стихотворении «Валерик», созданном на материале той же летней кампании 1840 г. Однако взгляды на войну были различны. М.Ю. Лермонтов воспринимал происходящее на Кавказе как трагедию, мучаясь вопросом: «Зачем?» Мартынову эти сомнения были неведомы. Он находился в полной уверенности в праве России применять против неприятеля тактику «выжженной земли»⁴³.

Одна из самых важных проблем современного Лермонтову общественного сознания: «можно ли совместить борьбу за свободу с человечностью, гуманистическим началом?» Лермонтов не ограничивал свои поиски решения проблем человечности и гуманизма историей. С необыкновенной для своей эпохи смелостью, М.Ю. Лермонтов привлекает в стихотворении «Валерик» (1840 г.) свои личные впечатления о войне на Кавказе и, показывает ее жестокость, бессмысленность и бесчеловечность⁴⁴. О вдохновляющем воздействии Кавказа на нравственное состояние поэта писал М.Ю. Лермонтов в своем письме С.А. Раевскому: «...если ты поедешь на Кавказ, то это, я уверен, принесет тебе много пользы физически и нравственно: ты вернешься поэтом...»⁴⁵.

Чеченцы, не имея письменной литературы, издавна создавали довольно развитую народную поэзию, причём эта поэзия у них обладала известными особенностями. Чеченская

поэзия спокойно описывает шаг за шагом, без особого восхищения, само событие во всех его подробностях. Это является типичным признаком так называемой эпической поэзии. Некоторые из произведений чеченской поэзии поражают своей художественностью, замечательными образными выражениями и представляют интерес не только для чеченцев, но и для мировой литературы⁴⁶. Мир, отраженный в фольклорном материале не был простым и примитивным. Это сложная, многомерная, иерархическая система, в рамках которой существует метафизическое и земное, истинное и ложное. Различные природные формы и проявления не так одухотворены, как хотелось бы человеку. В связи с этим вся северокавказская поэзия по-своему пронизана потребностью сделать мир осмысленнее, добрее, обнаружить высшие типы одухотворенности в различных явлениях бытия, родственных человеку. Отсюда возникает феномен всеобщей персонификации, наивного очеловечивания окружающей природной среды и уподобления человека природе⁴⁷.

Высоко ценил народную чеченскую поэзию Лев Николаевич Толстой⁴⁸. Л.Н. Толстой, к середине XIX века несколько раз приезжал на Кавказ к своему брату Николаю Николаевичу (1823–1860), служившему сначала в станице Старогладовской, а затем в укрепленном лагере, возле чеченского селения Старый Юрт. Старший брат Л.Н. Толстого, Николай окончил курс философского факультета сначала Московско-

го, а затем Казанского университетов (1840–1844). С 1844 г. служил офицером на Кавказе, принимал участие в военных действиях в Чечне и Дагестане, однако в душе он питал симпатию к горцам, что видно из его книги «Охота на Кавказе» – единственного дошедшего до нас его произведения⁴⁹.

Заинтересовавшись жизнью гребенских казаков и их соседей горцев, Л.Н. Толстой стал приобретать почти всю издававшуюся в то время на Кавказе этнографическую литературу⁵⁰. Первые посещения Толстым горских аулов относятся к 1851 году. Впечатления Толстого о Старом Юрте переданы в его письме к Т.А. Ергольской в июле 1851 г. В этом письме говорилось не только о новой для молодого человека кавказской природе, но и приводилось много этнографических наблюдений. Толстой, например, обратил внимание на устройство горских мельниц, построенных «совсем особенным образом», и на одежду горских женщин, и даже на их обычай стирать белье – ногами⁵¹.

Около 2-х месяцев Л.Н. Толстой прожил в чеченском селении Старый Юрт, куда был переведен взвод орудий 4 батареи, которым командовал его брат Николай. 26 мая 1904 г. С. А. Толстая записала рассказ о том, как писатель «ходил» в набег и «поступил на военную службу»: «Когда Л.Н., проигравшись в Москве в карты и прокутив много денег, решил ехать на Кавказ к служившему брату своему, Николаю Николаевичу, он в мыслях не имел поступать в военную служ-

бу. Ходил он на Кавказе в штатском платье, и когда ходил в первый раз в набег, то надел фуражку с большим козырьком и простое свое платье». На опасной дороге в ХасавЮрт Толстой встретил командовавшего левым флангом русской линии А.И. Барятинского. Последовали настойчивые уговоры поступить на военную службу. Князь Барятинский «хвалил Льва Николаевича за спокойствие и храбрость, которые он выказывал во время набега». Вскоре Л.Н. Толстой стал военным⁵².

В Старом Юрте Лев Николаевич познакомился с одним из жителей села, чеченцем Садо Мисербиевым (1832–1901), с которым они вскоре стали кунаками (побратимами). В 1850-е годы Мисербиев служил переводчиком при полковнике Ипполитове в крепости Воздвиженской.

Толстой познакомился с Садо летом 1851 года. Мисербиев приезжал в русский лагерь и играл в карты, но из-за незнания всех тонкостей игры на деньги, часто проигрывал, т. к. офицеры его обманывали. Л. Толстой пожалел молодого чеченца и предложил за него отыгаться, Садо ему был так благодарен, что подарил кошелек и захотел стать кунаком благородного русского офицера. В письме к своей тетушке Т.А. Ермольской Толстой сообщал: «Садо позвал меня к себе и предложил быть кунаком. Я пошел; угостив меня по их обычаю, он предложил мне взять, что мне понравится: оружие, коня, чего бы я захотел. Я хотел выбрать что-нибудь менее дорогое и взял уздечку с серебряным набором; но он сказал,

что сочтет это за обиду и, принудил меня взять шашку, которой цена, по крайней мере, 100 рублей серебром... После моего посещения я подарил ему Николенькины серебряные часы, и мы сделались закадычными друзьями. Часто он доказывал мне свою преданность, подвергая себя разным опасностям для меня...».

В Старом Юрте Л.Н. Толстой много играл в карты. В конечном счете, он проиграл с офицерами все свои наличные деньги, 150 рублей, занятые у брата Николая, и еще 500 рублей под вексель. Деньги по тому времени были большие, на них он мог бы прожить на Кавказе около года. Какова же была его радость, когда в очередном письме от брата из станции Старогладовской он нашел свой разорванный вексель, отыгранный у подпоручика Кнорринга верным кунаком Садо. Особенно досадно было Толстому, что он проиграл крупную сумму денег именно Ф.М. Кноррингу, своему сослуживцу, которого сильно недолюбливал. 15 ноября 1853 года, за 2 месяца до отъезда с Кавказа, Толстой записал в своем дневнике: «Удивительно, как неприятен мне этот человек... В нем вполне отражаются все низкие свойства офицера – порождения праздности и холостой жизни».

В декабре 1851 года Мисербиев отыграл у Кнорринга векселя Толстого и передал их Н.Н. Толстого, брату писателя, служившему на Кавказе. Николай писал Льву Толстому: «На днях был у меня Садо, он выиграл у Кнорринга твои векселя и привез мне их. Он так был доволен этому выигрышу, так

счастлив и так много меня спрашивал: «Как думаешь, брат рад будет, что я это сделал? – что я очень его за это полюбил. Этот человек действительно к тебе привязан»⁵³.

Толстой немедленно распорядился о присылке на Кавказ в качестве подарков для Садо шестиствольного пистолета и музыкальной шкатулки. Но чеченец Садо и без подарков был счастлив оказать услугу своему другу⁵⁴. В 1920-е гг., по свидетельству сына Мисербиева (С.С. Мисербиева), «коробочка с музыкой», подаренная Л.Н. Толстым, вместе с другими реликвиями до 1918 года хранилась в этой чеченской семье.

Даже после отъезда Л. Толстого с Кавказа чеченцы продолжали общаться с писателем. Так, два чеченских муллы из Старых Атагов – Мусип Паскаев и Цома Мурдалов в своем письме к графу Л.Н. Толстому обратились с просьбой высказать мнение о событиях 1905 года (18 февраля – рескрипт о создании Думы и 17 апреля, когда император подписал проект указа Правительствующему Сенату «Об укреплении начал веротерпимости»). Письмо было написано на арабском языке, завернуто в обложку из бумажного листа с фрагментами турецко-русского словаря⁵⁵.

Говоря о влиянии горцев, в частности чеченцев, на гребенских казаков, Л.Н. Толстой писал: «Лучшее оружие добывается от горца, лучшие лошади покупаются и крадутся у них же. Молодец-казак щеголяет знанием татарского языка и, разгулявшись, даже со своим братом говорит по-татар-

ски»⁵⁶. Лев Тостой во время своего пребывания на Кавказе ввел себе в правило: «Записывать все замечательное, виденное на Кавказе и продолжать вести такого рода записи в дневнике», и этого правила он придерживался долгие годы. Так, 1 февраля 1852 года Лев Николаевич Толстой записал со слов своих приятелей (кунаков) Балты Исаева и Садо Мисирбиева в своем дневнике две чеченские песни, первую из них пел Балта; здесь же Толстой дал подстрочный перевод с чеченского. Это первая известная нам запись чеченского текста с подстрочным переводом⁵⁷. Запись Толстым двух горских песен представляют большой научный интерес с точки зрения первенства фольклорной записи горских образцов свадебных песен (никем еще до Толстого не записанных) и с точки зрения оригинальности записи национального текста с помощью русских букв⁵⁸. Толстой использовал народные песни для передачи психологического состояния героев в трагические минуты их жизни. «Все было тихо. Вдруг со стороны чеченцев раздались странные звуки заунывной песни.... Ай! Дай! Да-ла-лай... Чеченцы знали, что им не уйти, и, чтоб избавиться от искушения бежать, они связались ремнями, колени с коленом, приготовили ружья и запели предсмертную песню...». Так органически вплелись в ткань произведения мастера, национальный мотив и народная сила⁵⁹.

Исаев Балта («Булта») был приятелем братьев Толстых в

станции Старогладовской. Имя Балты неоднократно упоминается на страницах дневника и в переписке братьев. В июне 1852 г. Н.Н. Толстой писал брату: «Возвратясь из Кизляра, я нашел у себя кунаков: Балту и Садо. Балта был очень хорошенький. Надо было видеть, с каким веселым и одушевленным видом он рассказывал, что его команду побили: из 9 человек, которые отправились в горы, чтобы поймать какого-нибудь тавлинца, 3-х убили и 4-х ранили... сам же командир, т. е. Балта, поправился, он обыграл какого-то дурака, выиграл 100 рублей серебром, часы, седло и разные разности. так что Балта чуть ли не капиталист, собирается взять новую хозяйку, а старой хозяйке дал 15 целковых на покупку персидского ковра для кунацкой».

Отношения с Балтой продолжались и после отъезда Толстого с Кавказа: Балта Исаев писал в Ясную Поляну – сохранилось письмо Балты Л.Н. Толстому от 23 января 1856 года⁶⁰. Письма друзей, сослуживцев, знакомых постоянно обновляли в памяти Толстого величественный образ Кавказа, воспоминания о его мужественных и благородных людях. «Ваше сиятельство Лев Николаевич, – пишет Булта Исаев через 3 года после отъезда Толстого в Крым, – поздравляю Вас с полученными чинами и орденами, которые Вы заслужили в такое короткое время. Желал бы от души когда-нибудь еще с Вами встретиться. Я в Севастополь к Вам написал 4 письма, но не знаю, получили ли Вы хоть одно...». Судя по содержанию письма, в котором упоминается и Садо,

между Толстым, Садо и Бултой были непринужденные, дружественные, очень теплые отношения⁶¹.

В своих письмах с Кавказа Л.Н. Толстой сообщал, что много читает, совершенствуя свои знания иностранных языков (английского и немецкого), а также изучает чеченский язык⁶². В январе 1854 года Л.Н. Толстой уехал из станицы Старогладовской в Ясную Поляну. Пребывание на Кавказе он расценивал как знак судьбы: «Мною руководила рука Божья. я чувствую, что здесь я стал лучше...»⁶³. Утратив веру в 14 лет, Толстой лишь спустя десять лет, уже на Кавказе ощутил потребность в ней. Уезжая с Кавказа на родину, в пути, Толстой отметил в дневнике важное нравственно-этическое приобретение минувших лет: терпимость, способность непредвзято судить о людях, воспринимать их в сложном переплетении противоречивых свойств и качеств⁶⁴. Действительно, Толстой пытался по-новому открыть смысл, суть таких понятий, как свобода, честь, дружба. Именно на Кавказе, ему открылись поэтические и политические видения. В дневнике от 5 ноября 1853 года Толстой отмечал: «Я совершенно убежден, что я должен приобрести славу»⁶⁵. Будущий гений мировой литературы Л.Н. Толстой, зная Кавказскую войну, как участник, называл ее священной и «признавал за горцами право применять против неприятеля любые формы и методы обороны...»⁶⁶.

Примечания

¹ Волкова Л.А. Международная коммуникация на Северном Кавказе // Новый исторический вестник. – М., 2005. – № 1 (12). – С.17.

² Дмитриева О. Восприятие феномена Кавказа элитой русского общества начала XIX века // Опыт историко-антропологических исследований. – М., 2004. – С. 42, 45.

Архиреев М.В. Кавказская война в русской литературе 1820-1830-х годов. Дис....канд. филол. наук. – Тверь, 2004. – С. 6–7, 67.

⁴ Архиреев М.В. Кавказ, империя, Европа: большая Кавказская война русской литературы // Историко-литературный сборник. Вып.3. К 70-летию профессора М.М. Кедровой. – Тверь, 2002. – С.37.

⁵ Версовин А. «Неизменный друг свободы» // А. Полежаев. Стихотворения. Поэмы и повести в стихах. Переводы. Воспоминания современников и критика. – М., 1990. – С. 21–22.

⁶ Там же. – С. 5–7.

⁷ Маркелов Н. «Завтра я еду в Чечню брать пророка Шамиля...» // Дон – Р н /Д., 2008 – № 2. – С.222.

⁸ Маркелов Н.В. Кавказские силуэты: история Кавказа в

лицах. – Пятигорск, 2006. – С. 80–81.

⁹ Рейко М., Тандура В. Менталітет горців північного Кавказу очима російських письменників ХІХ столетия // Вісник Чернігівського державного педагогічного університету. Випуск 52. Серія: історичні науки. – Чернігів, 2008. —С.1830.

¹⁰ Адыгская (черкесская) энциклопедия. – М., 2006. – С.1029.

¹¹ Версовин А. «Неизменный друг свободы» // А. Полежаев. Стихотворения. Поэмы и повести в стихах. Переводы. Воспоминания современников и критики. – М., 1990. – С.8, 20.

¹² Вересовин А. «Неизменный друг свободы» // А. Полежаев. Стихотворения. Поэмы и повести в стихах. Переводы. Воспоминания современников и критики. – М., 1990. – С. 9–10, 12, 56.

¹³ Коркин А.Л. Кавказские письма Л.Н. Толстого // Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру. Материалы V Международного конгресса 8-12 октября 2007 г. Симпозиум XV. Литературный процесс: кавказский контекст. – Пятигорск, 2007. – С.59.

¹⁴ Кавказ в сердце России. – М., 2000. – С.304.

¹⁵ Кумыков Т.Х., Нагоев М.Б. Исторические реалии народов Северного Кавказа в произведениях деятелей культуры России первой половины ХІХ в. – Нальчик, 1996. – С.4.

¹⁶ Мальбахов Б.К. Российская демократическая мысль о колониальной войне на Кавказе // Вестник Северо-Осетинского университета им. К.Л. Хетагурова. – Владикавказ, 2008. – № 3. – С.88.

¹⁷ Станько А.И. Журналистика Дона и Северного Кавказа (допролетарский период). – Р н/Д., 1990. – С. 16.

¹⁸ Мальбахов Б.К. Российская демократическая мысль о колониальной войне на Кавказе // Вестник Северо-Осетинского университета им. К.Л. Хетагурова. – Владикавказ, 2008. – № 3. – С.83.

¹⁹ Грибоедовские места / Сост. Н.А. Тархова. – М., 2007. – С. 238–239.

²⁰ Макунин Ю. Полководец и поэт – основатели газет // Журналист. – М., 2002. – № 3. – С. 39–40.

²¹ Павлюк О.М. Автобиографическая литература о Кавказе втор. пол. XIX века. Дис...канд. филол. наук. – Армавир, 2006. – С.17.

²² Грибоедовские места / Сост. Н.А. Тархова. – М., 2007. – С.3.

²³ Грибоедовские места / Сост. Н.А. Тархова. – М., 2007. – С. 239, 241, 243.

²⁴ Грибоедовские места / Сост. Н.А. Тархова. – М., 2007. – С. 246–247, 265, 270.

²⁵ Яковкина Е.И. Замечательные люди на Кавказских Ми-

неральных Водах. – Ставрополь, 1962. – С.79.

²⁶ Гамсун К. В «Сказочном царстве: Мечты и впечатления о Кавказе». – М., 2005. – С.4.

²⁷ Мальбахов Б.К. Российская демократическая мысль о колониальной войне на Кавказе // Вестник Северо-Осетинского университета им. К.Л. Хетагурова. – Владикавказ, 2008. – № 3. – С.84.

²⁸ Городецкий Б.П. К истории издания «Кавказского пленника» // Академия наук СССР. Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. Т.2. – М., 1936. – С. 290–292.

²⁹ Тахо-Годи М.А. Ксавье де Местр и Кавказ // Вестник Северо-Осетинского университета им. К. Хетагурова. – Владикавказ, 1999. – № 1. – С. 264–266.

³⁰ Сафонов А. Военные из рода Пушкиных // Щит и меч. – М., 1999. – 22 июня. – С.7.

³¹ Романенко С.М. Кавказский миф в русском романтизме и его эволюция в творчестве Я.П. Полонского. Дис. канд. филол. наук. – Томск, 2006. – С. 65, 68, 141.

³² Полонский Я.П. Стихотворения. – Л., 1954.

³³ Полонский Я.П. Сочинения: в 2-х томах. Т.1. Стихотворения и поэмы. 1828–1841 гг. – Л., 1979.

³⁴ Мустафин Р.М. Русская литература на кавказскую тему в критике В.Г. Белинского. Дис. канд. филол. наук. – Баку, 1991. – С. 22–23.

³⁵ Садыхов Э.М. Кавказская тематика в журнале «Современник» (1847–1862). Дис. канд. филол. наук. – Баку, 1989. – С.54.

³⁶ Маркелов Н.В. Вокруг «Аммалат-бека» // Язык и текст в пространстве культуры: Сборник статей научно-методического семинара «ТЕХТУС». Вып. 9. – СПб. – Ставрополь, 2003. – С.345.

³⁷ Чекалин С.В. Под солнцем юга: Кавказские войны в лицах. – М., 2002. – С. 128–133.

³⁸ Пахомов Н.П. Лермонтов в изобразительном искусстве. – М., 1940. – С.78.

³⁹ Захаров В.А. Лермонтов и Кавказ – рождение темы // Кавказ в российской политике: история и современность. Материалы международной научной конференции. Москва, МГИМО (У) МИД России 16–17 мая 2006 г. – М., 2007. – С.103.

⁴⁰ Дубнова Н.В. Лермонтов: идеализация востока до его реального познания // Вестник молодых ученых Дагестана. – Махачкала, 2006. – № 3. – С.49.

⁴¹ Мальбахов Б.К. Российская демократическая мысль о колониальной войне на Кавказе // Вестник Северо-Осетинского университета им. К.Л. Хетагурова. – № 3. – Владикавказ, 2008. – С. 84–85.

⁴² Каменев Е.В., Четвертной Д.В. Человек на войне: куль-

турные практики XIX в. (по мемуарам участников войны 1812 г. и Кавказской войны) // Культура исторической памяти: невостребованный опыт. Материалы Всероссийской научной конференции. Петрозаводск, 25–28 апреля 2003 г. – Петрозаводск, 2003. – С. 74, 78.

⁴³ Соснина Е.Л. Черный алмаз. – М., 2004. – С. 89, 93.

⁴⁴ Серман И. Живой Лермонтов // Русская мысль. – Париж, 1995. – № 4084. – С.12.

⁴⁵ Туркаев Х.В., Туркаева Р.А. Л.Н. Толстой в Чечне. Новая концепция войны и мира // Чеченцы в истории, политике, науке и культуре России: исследования и документы. – М., 2008. – С.584.

⁴⁶ Яковлев Н.Ф. Вопросы изучения чеченцев и ингушей. – Грозный. 1927. – С. 40–42.

⁴⁷ Казиева А.М. Художественные традиции в северокавказской поэзии XIX–XX веков: Этнокультурные факторы и контекст. Дис. ... докт. филол. наук. – Нальчик, 2004. – С.192.

⁴⁸ Layton S. Russian Literature and Empire. – Cambridge, 1994. – S.263.

⁴⁹ Аджиев А.М. К проблеме творческих взаимосвязей Льва и Николая Толстых // Лев Толстой и Кавказ в контексте диалога культур и времен / Материалы Всероссийской научно-практической конференции. 27–29 октября 2008 г. – Махачкала, 2008. – С.17.

⁵⁰ Layton S. Russian literature and empire conquest of the Caucasus from Pushkin to Tolstoy. – Cambridge, 2005. – S. 264–267.

⁵¹ Убушева О.М. Кавказские источники в раннем творчестве Л.Н. Толстого. – М., 2008. – С. 55–56.

⁵² Убушаева О.М. Кавказские источники в раннем творчестве Л.Н. Толстого. Дис... канд. филол. наук. – М., 2008. – С. 35.

⁵³ Лев Толстой и его современники. Энциклопедия. – М., 2008. – С. 178, 240–241, 351.

⁵⁴ Чекалин С.В. Под солнцем юга: Кавказские войны в лицах. – М., 2002. – С. 138.

⁵⁵ АРАН. Ф. 688. Оп. 1. Ед. хр. 167. Зайцев И.В. Арабские, персидские и тюркские рукописи и документы в Архиве Российской академии наук. Каталог выставки. – М., 2008 – С. 17.

⁵⁶ Калоев Б.А. Из истории русско-чеченских экономических и культурных связей // Советская этнография. – М., 1961. – № 1. – С. 46.

⁵⁷ Чентиева М.Д. Устное народное творчество вайнахов. Зарождение литературы. // Очерки истории ЧИАССР. Т. 1. – Грозный. 1967. – С. 267.

⁵⁸ Тагирова Е.А. Кавказская эпопея Л.Н. Толстого // Лев Толстой и Кавказ в контексте диалога культур и времен / Материалы Всероссийской научно-практической конференции.

27–29 октября 2008 г. – Махачкала, 2008. – С.131.

⁵⁹ Хасбулатова З.И. Толстой и Чечня: Традиции куначества // Лев Толстой и Кавказ в контексте диалога культур и времен / Материалы Всероссийской научно-практической конференции. 27–29 октября 2008 г. – Махачкала, 2008. – С.134.

⁶⁰ Лев Толстой и его современники. Энциклопедия. – М., 2008. – С. 161–162, 178.

⁶¹ Хасбулатова З.И. Толстой и Чечня: Традиции куначества // Лев Толстой и Кавказ в контексте диалога культур и времен / Материалы Всероссийской научно-практической конференции. 27–29 октября 2008 г. – Махачкала, 2008. – С.134.

⁶² Коркин А.Л. Кавказские письма Л.Н. Толстого // Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру. Материалы V Международного конгресса. 8-12 октября 2007 года. Симпозиум XV. Литературный процесс: кавказский контекст. – Пятигорск, 2007. – С.61.

⁶³ Великая Н. Трепак и лезгинка // Родина. – М., 2004. – № 5. – С.113.

⁶⁴ Убушаева О.М. Кавказские источники в раннем творчестве Л.Н. Толстого. Дис... канд. филол. наук. – М., 2008. – С.30.

⁶⁵ Никерина И.В. Уроки Л.Н. Тостого в кавказском контексте // XIX век в истории России: Современные концепции

истории России XIX века и их музейная интерпритация // Труды ГИМ. – Вып.163. – М.,2007. – С.444.

⁶⁶ Мальбахов Б.К. Российская демократическая мысль о колониальной войне на Кавказе // Вестник Северо-Осетинского университета им. К.Л. Хетагурова. – Владикавказ,2008. – № 3. – С.86.

Установление российской системы образования на Кавказе

Организация образования для различных этнических групп в полиэтничном государстве является одной из сложных составных частей внутренней и национальной политики. Образование часто выходило за рамки чисто педагогических (и этнопедагогических) вопросов, наполняясь разным содержанием, преломляясь через менталитеты различных этносов. Просветительские мероприятия русской администрации, имевшие конечной целью русификацию нерусского населения, объективно способствовали распространению русской культуры и технических знаний через работу школ, училищ и других учебных заведений. Это развивало просвещение и повышало культурный уровень народов. Вплоть до конца XIX века Российская империя давала народам, проживавшим на ее окраинах, многое: рушилась территориальная и культурная замкнутость, обеспечивался мир, устанавливался единый закон, и функционировало общее экономическое пространство, развивалось образование и наука.

В имперских законодательных актах прослеживается стремление самодержавия адаптировать местное население к решению вопросов с использованием российского законо-

дательства. Данный процесс осуществлялся двумя способами. На начальном этапе освоения региона, наряду с обычным правом, постепенно «вкрапывались» положения российского законодательства. На основном и окончательном этапах применялся метод «временных изъятий» из действующего российского законодательства. Применение обоих способов осуществлялось четко, целенаправленно и в итоге способствовало постепенному распространению российского законодательства в регионе. Юридические акты, посвященные образованию горцев, свидетельствовали об особом внимании властей к подрастающему поколению кавказцев. На наш взгляд, это был один из самых благородных путей приближения горцев к Российскому государству¹.

В то же время исследованием установлено, что действия самодержавного правительств в области этнического образования и общего решения национального вопроса в стране в исторической ретроспективе событий конца XIX века не успевали за требованиями времени. Катастрофически малое число светских школ, библиотек, других образовательных учреждений вызывали недовольство у местного населения. Особые нарекания подвергалась организация преподавания родных языков, быстро перешедшая из области педагогики и дидактики в сферу политики. Все этносы, как правило, требовали расширения прав родных языков, в то время как государство стремилось сузить сферу их применения, что вызывало конфликтные ситуации². Интересно привести

выдержку из газеты «Эхо» за 1882 год. «Начальник области, – отмечала редакция газеты, – замечая полный упадок школьного образования среди горского населения и желая сколько-нибудь поднять его, предложил подчиненным и начальникам округов сообщить свое мнение о лучших к тому мерах и средствах. И что же он получил в ответ? Значительное их большинство прямо высказало тот взгляд, что для горцев не надо никакого образования, что, оставляя их в диком состоянии, с ними легче справляться, чем, вооружив их знанием»³.

Образование формировало у представителей разных национальностей чувство причастности к единому государству. Но оно же, при искажении его функций принудительной русификацией или гипертрофированным превознесением этнических ценностей в ущерб общероссийским, способно заложить предпосылки потенциального сепаратизма. В тех случаях, когда усилия власти были направлены на искоренение национальной самобытности, это вело не столько к насаждению русской культуры, сколько к ее отторжению. Школа для нерусских народов своеобразно преломляла в себе процессы имперского строительства и нередко становилась эпицентром межконфессионального соперничества.

В результате смягчения политики имперской централизации в период реформ 60-х гг. XIX века были созданы предпосылки для успешного решения проблем «инородческого образования». Кавказское руководство стало больше

учитывать местную языковую и этнопсихологическую специфику. Общественно-педагогическое движение в «инородческих» губерниях добивалось придания школе большей открытости для разных сословий, национальностей, вероисповеданий. Одновременно с этим в русском образованном обществе зрело понимание того, что «ограничение прав по происхождению неизбежно превращает обездоленных инородцев во внутренних врагов». Постепенному преодолению неприятия народами империи русской школы, культуры и государственности способствовала возможность развивать собственное образование на родном языке. Таким образом, в пореформенной России уживались две противоречивые тенденции. Одна – центристская – отражала естественное стремление единого социально-экономического организма империи к языковой и культурной однородности. Другая, будучи результатом усложнения этнокультурной палитры сообщества, имела центробежный характер и вела к обособлению отдельных народов. Несмотря на внешнюю противоречивость, обе эти тенденции определялись единым вектором развития многонационального государства, в геополитическом устройстве которого постепенно «вырисовывались» признаки будущей федерации.

В результате длительного сосуществования народов и религий в Российской империи сформировалась своеобразная «многослойная» самоидентификация нерусских народов. Нередко она одновременно отражала принадлежность лич-

ности к этнической, религиозной и общеимперской общностям. Сложная система российских регионов исторически складывалась в логике имперской парадигмы. Среди фундаментальных ценностей российской геополитической традиции приоритетной являлась способность центра поддерживать имперскую целостность державы. Естественно, что прочное и органичное включение нерусских народов в систему российской государственности отставало от темпов ее территориального расширения. Только в XIX веке площадь Российской империи увеличилась на одну треть. Из-за этого империя периодически переживала интенсивные геополитические сдвиги. Параллельно и во взаимосвязи с этими процессами культурно-образовательное пространство тоже подвергалось перманентным трансформациям. «Собирание» империи осуществлялось различными методами, среди которых немаловажное место занимало целенаправленное воздействие на этнический менталитет⁴.

В конце XIX столетия в Российской империи преобладающей формой общего образования была начальная, как правило, одноклассная школа с трехгодичным курсом⁵. Она составляла более 90 % всех учебных заведений в стране. Среднее и высшее образование в это время имели лишь 1,36 % мужского населения и 0,85 % женщин. Перепись 1897 г. констатировала более низкий уровень грамотности среди русского населения по сравнению со средним показателем по России (19,8 % среди русских, 21,1 % – по стране). Однако

при недостаточном развитии грамотности русские имели более высокий процент с образованием выше элементарного. В этих фактах, конечно, отражалась политика правительства, дававшая преимущество в получении образования выше начального, прежде всего русским⁶

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.